

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ/THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.155.108>

О КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО СИМУЛЯКРА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Научная статья

Кузьмин И.М.^{1,*}

¹ Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Владимир, Российской Федерации

* Корреспондирующий автор (i.m.kuzmin.3107[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена проблеме неопределенности феномена симулякра в правовой сфере. Развитие правовой среды под влиянием цифровых технологий сопровождается преумножением символичного и иллюзорного в праве, что, в свою очередь, требует справедливой оценки в рамках правовой науки. Однако в доктрине не выработано единого подхода к определению данного явления, несмотря на его тесную связь с практикой реализации права. Единая концепция понимания симулякра позволила бы определить через него некоторые проявления цифровизации права, не умещающиеся в рамках классической правовой науки. И формирование единого подхода к определению данного феномена видится первым значимым шагом на пути изучения перспектив его развития.

Ключевые слова: правовая реальность, реализация права, симулякр, фантазм, иллюзия.

ON THE CONCEPT OF LEGAL SIMULACRUM: POSING THE PROBLEM

Research article

Kuzmin I.M.^{1,*}

¹ Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Vladimir, Russian Federation

* Corresponding author (i.m.kuzmin.3107[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the problem of uncertainty of the phenomenon of simulacra in the legal sphere. The development of the legal environment under the influence of digital technologies is accompanied by the multiplication of symbolic and illusory in law, which, in turn, requires a fair assessment within the framework of legal science. However, the doctrine has not developed a unified approach to the definition of this phenomenon, despite its close connection with the practice of law implementation. A unified concept of understanding of simulacrum would make it possible to define through it some manifestations of digitalisation of law that do not fit into the framework of classical legal science. The formation of a unified approach to the definition of this phenomenon seems to be the first significant step towards studying the prospects of its development.

Keywords: legal reality, fulfilment of law, simulacrum, phantasm, illusion.

Введение

Развитие отечественной юридической науки сегодня обусловлено рядом проблем, нуждающихся в комплексном научном обосновании. Среди актуальных вызовов юриспруденции можно выделить такие как преодоление деформации правосознания граждан, правовое регулирование киберпространства и построение единого правового пространства, цифровая трансформация правовых процедур, защита персональных данных, кибербезопасность и другие. Многие из них связаны с цифровизацией права, в условиях которой постоянно преумножаемый нормативно-правовой массив постепенно наполняется коллизиями, апориями, иллюзиями и симулякрами. Термин «симулякр» сам по себе не является юридическим понятием, однако его применение и интерпретация в контексте права стали объектом интереса и обсуждения российских исследователей во многом благодаря названной тенденции.

Основные результаты

Сам термин получил широкое распространение благодаря французскому социологу и философу постмодернизма Жану Бодрийяру, определившим его как знак или копию, не имеющих референта в реальности [2], однако исследователи обнаруживают прообраз симулякра и в античной философии — в трудах Платона. Размышляя над его работами, Жиль Делёз выделяет его метод классификации — не на основании подобия, но на основании отличия. Именно в различии кроется природа симулякра или как его определяет Платон — фантазма [4]. Благодаря работе Жиля Делёза «Платон и симулякр», в которой он переосмыслил тезис Фридриха Ницше — «перевернуть платонизм» — исходя из тенденций развития науки в новое и новейшее время, стало возможным сформировать онтологическую основу формирования концепта симулякра в парадигме неклассической философии. Комментируя концепцию пещеры Платона, Делёз утверждает, что она закладывает основу природы симулякра как такового [4], соглашаясь, что люди существуют в реальности иллюзий — образов, которые лишь отдаленно определяют свою истинную сущность. Делёз акцентирует внимание на классификации образов: некоторые из них — копии, некоторые — симулякры, но в реальности они перемешаны. И если Платон указывает на превосходство копии, так как она обладает характеристикой подобия Идеи и потому претендует на большую истинность, Делёз, сопоставляя «То же самое» и «Подобное», приходит к мысли, что симулякр не может быть определен через копию, поскольку основан на различии и не

соотносится с какой-либо идеей. В процессе интерпретации человеком, который по этой причине становится частью механизма симулякра [4], он порождает новый смысл, новую Идею, новую реальность. Делёз отвергает статичные связи знака и означаемого, переворачивая тем самым классическую теорию репрезентации. Он утверждает, что смысл знака всегда изменяется под влиянием точки зрения наблюдателя, а потому репрезентация скорее представляет собой процесс, а не статическую связь [4]. Вместе с тем на итог репрезентации влияет контекст, а потому ее результат может меняться в зависимости от культурных, политических, экономических и иных условий. Что, в свою очередь, подкрепляет тезис Жиля Делёза о конструируемом характере реальности, которая формируется человеком в процессе репрезентации.

Это позволяет нам в целях дальнейшего исследования данного феномена вывести два ключевых подхода к пониманию природы симулякра: репрезентативная теория (классический подход) и нерепрезентативная теория (в рамках неклассической философии). Согласно первому подходу, природа симулякра заключается в искажении и извращении реальности (действительности). Сторонники первого подхода рассматривают симулякр как «копию копии», следовательно, не имеющую оригинала. Поскольку процесс «копирования» повторяется, обнаружить оригинал не представляется возможным. В рамках этого подхода Платон определяет природу фантазмов, которые только кажутся сходными с предметом, с идеей.

Сторонники второго подхода, преимущественно теоретики постмодернизма (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр), указывают, что симулякры существуют за пределами классической теории репрезентации и создают свои собственные реальности, поскольку не ограничены оригиналом. Хотя большинство исследований относят Ж. Бодрийяра к сторонникам нерепрезентативной теории, анализ его работ в части прецессии симуляков [2] ставит это положение под сомнение.

На следующем этапе исследования важно обратиться к работам отечественных авторов, определяющих сущность и границы существования симулякра в праве. Здесь особенно проявляется проблема отсутствия единого подхода, поскольку, как показывает анализ, несмотря на то, что в своих трудах исследователи ссылаются друг на друга, не всегда остаются в рамках нерепрезентативной теории (которая, на наш взгляд, преобладает в формирующейся отечественной правовой мысли). Рассмотрим подробнее на примере нескольких значимых работ.

Многие авторы рассматривают проблему симулякра именно через призму цифровизации права [6], которая стала современной тенденцией развития социальных, экономических, политических и правовых институтов. В то же время видится возможным рассматривать её в качестве сущностной характеристики развития юридической науки постмодерна, основная проблема которой сводится в самом общем смысле к распространению действия правовых предписаний и суверенитета государства на цифровые аналоги явлений материального мира.

В социальной среде развиваются технологии, позволяющие переосмыслить возможности и способы бытия в мире. Механизмы цифровизации в большинстве случаев отражают и подменяют образы действительности, и в конечном счете смешиваются с ними. Происходит то, что выделил Ж. Делёз в аллегории Платона — смешение копий и симуляков [4]. На современном этапе развития цивилизации симуляция приобретает глобальный характер, что ведет к развитию общества, в котором истинные и симулятивные утверждения смешиваются и становятся неразличимыми.

В этих условиях И. И. Осветимская определяет задачу разграничения «настоящего» и «симулякра» в праве. Обращаясь к трудам В. В. Архипова и А. В. Полякова, она определяет суверенного самостоятельного субъекта (человека) в качестве критерия такого разделения [9]. Только люди, основываясь в своих действиях на принципе взаимного признания, способны создавать настоящее право. Симулякр в праве определяется И. И. Осветимской как законодательство, в основе которого лежит псевдоправовая коммуникация, которая строится не на признании за личностью её субъективного статуса, а отношении к личности как объекту властного манипулирования [9]. В целях дальнейшего выделения симуляков среди правовых конструктов она вводит критерий справедливости. Тогда как В. В. Архипов определяет настоящее в праве через выработанный в рамках социологии критерий значимости [1]. Именно значимость объекта или явления для развития общественных отношений и социума в целом выражает его «настоящесть», истинность. Право же представляется им в качестве символического посредника справедливости. Через механизмы осуществления правосудия и разрешение споров эта «социальная валюта» — справедливость — достигается [1]. Следовательно, согласно концепции В. В. Архипова настоящим в праве является то, что обладает значимостью, то есть отражает в себе в нашем случае справедливость, ценность справедливости. Соответственно, симулякр такой ценностью (справедливостью) не обладает, не имеет значимости для развития социума. Вместе с тем симуляками в праве могут являться положения законодательства, не соотносящиеся, несправедливые по отношению к правовой действительности. Названных авторов возможно отнести к сторонникам репрезентативной теории симуляка.

В. В. Архипов, освещая проблематику симуляков в праве, утверждает, что поскольку объективное право по определению невозможно как симулякр [1], симулякры не могут включаться в правовую действительность (поскольку их дальнейшее развитие опровергло бы этот тезис). Они рассматриваются автором скорее как предметы, по поводу которых могут возникать общественные отношения, регулируемые правом. В рамках своего исследования в качестве примеров он приводит игровое имущество, объекты виртуальной реальности и т.д., определяя основные закономерности и пределы их урегулирования законом.

Несколько иначе, но не менее ёмко определяет природу симуляков профессор Р.Б. Головкин. В своей работе «Иллюзии в праве» он развивает идеи В.В. Лазарева [7], который определяет понятие симулякра через латинское слово «*simulo*», т.е. делать вид, притворяться [8]. Лазарев предлагает определять симулякр в праве в качестве копии, не имеющей оригинала в реальности, знака, не имеющего означаемого объекта. Однако очевидно такой подход базируется на понятии симулякра Ж. Бодрийяра, не отражает его сущностных признаков в правовой сфере и скорее проецируется на некоторые правовые явления. Обобщая размышления профессора о проявлении симуляков в правовой среде, Р. Б. Головкин предлагает следующее определение: это форма статической юридической иллюзии, предусмотренная юридическими нормами в виде относительно стабильного конкретного субъективного

локализованного образа мыслимой как реальной, но реально не реализованной действительности, в ее понятийном выражении, признаваемой как самим субъектом, сформировавшим иллюзию, так и другими участниками правоотношений [3]. Такая интерпретация отражает сущностные свойства симулякра, определяя их вместе с тем в рамках правовой реальности, что позволяет в перспективе развивать его в рамках нерепрезентативной теории. Вместе с тем предлагаемая формулировка в перспективе может быть несколько оптимизирована и сокращена, что не исключает однако снижение смысловой нагрузки. Вместе с тем концептуально важным положением в предложенной дефиниции видится определение симулякра не через форму иллюзии, а скорее через образ мыслимой правовой реальности. Поэтому в целях дальнейшего развития теории симулякра в праве, учитывая опыт других исследователей в этом направлении, видится возможным предложить термин «правовой симулякр», определив его следующим образом. Правовой симулякр — это закрепленный в юридической норме и признаваемый субъектами права социально значимый образ правовой реальности, не имеющей должной реализации в действительности.

Заключение

Предлагаемое определение отражает сущностные особенности рассматриваемого явления в контексте правовой реальности, что особенно явно прослеживается в условиях цифровизации права. Развитие правовой среды под влиянием цифровых технологий сопровождается преумножением символичного и иллюзорного в праве, что в свою очередь требует справедливой оценки в рамках правовой науки. И формирование единого подхода к определению данного феномена видится значимым шагом на пути изучения перспектив его развития.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация : дисс. ... д.ю.н. / В.В. Архипов. — Санкт-Петербург, 2020. — 354 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. — Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. — 240 с.
3. Головкин Р.Б. Иллюзии в праве / Р.Б. Головкин // Вестник Владимира юридического института. — 2016. — №1. — С. 123–128.
4. Делез Ж. Платон и симулякр / Ж. Делез // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. — Томск : ВОДОЛЕЙ, 1998. — С. 225–241.
5. Денисенко В.В. Цифровизация права и правовые процедуры в условиях гиперреальности / В.В. Денисенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — № 1(52). — С. 269–276.
6. Исаев И.А. Симулякры: виртуальная реальность закона / И.А. Исаев // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. — 2021. — № 5. — С. 30–40.
7. Лазарев В.В. Естественно-правовые пределы свободы выражения и самовыражения / В.В. Лазарев // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции (к 60-летию Андрея Васильевича Полякова). — СПб. : Алеф-Пресс, 2014. — С. 101–115.
8. Лазарев В.В. Юридическая наука: продолжение полемики / В.В. Лазарев // Lex russica. — 2015. — № 11. — С. 10–24.
9. Осветимская И.И. «Настоящее» и симулякр в праве в условиях кризиса авторитетной стабильности определения общей истины / И.И. Осветимская // В поисках теории права: коллективная монография / под ред. Е. Г. Самохиной, Е. Н. Тонкова. — СПб. : Алетейя, 2021. — С. 240–249.
10. Честнов И.Л. Социальный контроль как функция права в (пост) современном обществе / И.Л. Честнов // Право и общество. — 2015. — № 1(13). — С. 127–143.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arkhipov V.V. Semanticheskie predely prava v uslovijah medial'nogo poverota: teoretiko-pravovaja interpretacija [Semantic limits of law in the conditions of medial turn: theoretical and legal interpretation] : dissertation. ... Doctor of Law / V.V. Arkhipov. — St. Petersburg, 2020. — 354 p. [in Russian]
2. Baudrillard J. Simulacra i simulacri [Simulacra and simulations] / J. Baudrillard; translated from French by A. Kachalov. — Moscow : Publishing House “POSTUM”, 2015. — 240 p. [in Russian]
3. Golovkin R.B. Illuzii v prave [Illusions in law] / R.B. Golovkin // Vestnik Vladimirsogo juridicheskogo instituta [Bulletin of Vladimir Law Institute]. — 2016. — № 1. — P. 123–128. [in Russian]
4. Deleuze J. Platon i simuljakr [Plato and Simulacrum] / J. Deleuze // Intencional'nost' i tekstual'nost'. Filosofskaja mys' Francii XX veka [Intentionality and Textuality. Philosophical Thought in France of the 20th Century]. — Tomsk : VODOLEY, 1998. — P. 225–241. [in Russian]

5. Denisenko V.V. Cifrovizacija prava i pravovye procedury v uslovijah giperreal'nosti [Digitalization of law and legal procedures in the conditions of hyperreality] / V.V. Denisenko // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law]. — 2023. — № 1(52). — P. 269–276. [in Russian]
6. Isaev I.A. Simuljakry: virtual'naja real'nost' zakona [Simulacra: virtual reality of the law] / I.A. Isaev // Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina [Bulletin of O.E. Kutafin University]. — 2021. — № 5. — P. 30–40. [in Russian]
7. Lazarev V.V. Estestvenno-pravovye predely svobody vyrazhenija i samovyrazhenija [Natural-legal limits of freedom of expression and self-expression] / V.V. Lazarev // Kommunikativnaja teorija prava i sovremennoe problemy jurisprudencii (k 60-letiju Andreja Vasil'evicha Poljakova) [Communicative theory of law and modern problems of jurisprudence (to the 60th anniversary of Andrei Vasilyevich Polyakov)]. — SPb. : Alef-Press, 2014. — P. 101–115. [in Russian]
8. Lazarev V.V. Juridicheskaja nauka: prodolzhenie polemiki [Legal science: the continuation of polemics] / V.V. Lazarev // Lex russica. — 2015. — № 11. — P. 10–24. [in Russian]
9. Osvetimskaya I.I. «Nastojashhee» i simuljakr v prave v uslovijah krizisa avtoritetnoj stabil'nosti opredelenija obshhej istiny [“Real” and simulacrum in law in the conditions of the crisis of authoritative stability of determining the general truth] / I.I. Osvetimskaya // V poiskah teorii prava: kollektivnaja monografija [In search of the theory of law: a collective monograph] / edited by E.G. Samokhina, E.N. Tonkov. — SPb. : Aleteia, 2021. — P. 240–249. [in Russian]
10. Chestnov I.L. Social'nyj kontrol' kak funkcija prava v (post) sovremennom obshhestve [Social control as a function of law in (post) modern society] / I.L. Chestnov // Pravo i obshhestvo [Law and Society]. — 2015. — № 1(13). — P. 127–143. [in Russian]